

> МАГИСТРАЛЪ >

РЕЖИМ ПЕРНУ

Алиенора
Аквитанская

Москва

УДК 94(44)"1122/1204"
ББК 63.3(4Фра)4-8
П 26

Regine Pernoud
ALIENOR D'AQUITAINE

© Éditions Albin Michel – Nouvelle édition, Paris, 1965

Оформление серии, иллюстрация на обложке *Натальи Портяной*

Перну, Режи́н.

П 26 Алиенора Аквитанская / Режи́н Перну ; [перевод с французского А. С. Васильковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-200542-8

Режин Перну — известная исследовательница истории Средних веков. Она написала книги о Жанне д'Арк, крестоносцах, Ричарде Львиное Сердце и многих других героях мировой истории.

Алиенора Аквитанская, одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин французского Средневековья, сыграла судьбоносную роль в противостоянии Англии и Франции. Вся ее жизнь напоминает авантурный роман: она участвовала во Втором крестовом походе, в разное время была замужем за королями-соперниками, а также прославилась как мудрая правительница огромных территорий.

Ее потомки становились правителями Средневековой Европы, а о её любимом сыне Ричарде Львиное Сердце слагали в народе истории и песни. Имя Алиеноры еще при жизни вошло в легенду.

УДК 94(44)"1122/1204"
ББК 63.3(4Фра)4-8

© Василькова А. С., перевод на русский язык, 2002

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-200542-8

АЛИЕНОРА АКВИТАНСКАЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ К ОРИГИНАЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ

Режин Перну родилась в 1909 г. в Шато-Шиноне (Ньевр), детство провела в Марселе, а затем училась в Экс-ан-Провансе и в Париже, где поступила в Школу Хартий¹ и Школу Лувра. Защитив диссертацию, темой которой стала история марсельского порта в XIII в., и получив докторскую степень, она посвящает свои следующие работы исследованию Средневековья.

Первой ее работе — «Свет Средневековья» (1945) — была в 1946 г. присуждена премия «Фемина-Вакареско» в области критики и истории. За этой книгой последовали два тома «Истории буржуазии во Франции» (1960–1962), многочисленные исследования, посвященные, в частности, повседневной жизни крестоносцев, — «Крестоносцы» (1959), «Крестовые походы», «Галлы»; а также средневековой литературе и выдающимся личностям той эпохи: «Алиенора Аквитанская» (1966), «Элоиза и Абеляр» (1970), «Королева Бланка» (1972), «Женщина во времена соборов» (1980), «Кристина Пизанская» (1982).

Скандалная хроника очень давно проявила интерес к личности Алиеноры Аквитанской; более чем давно, поскольку уже в XIII в. веселый Менестрель из Реймса приписывал ей похождения с Саладином! Уж не затаили ли французы на нее обиду за то, что она отказалась от французской короны ради английской? Как бы там ни было, но скверная репутация, которую ей создали, осталась в памяти потомков неотделимой от этой незаурядной женщины, чья

¹ Национальная школа Хартий готовит специалистов по палеографии и архивному делу. — *Прим. пер.*

жизнь протекала не только в европейских рамках Аквитании, Саксонии и Сицилии, но и на Ближнем Востоке, в Антиохии и Константинополе.

Теперь, по прошествии многих веков, и в свете текстов, созданных ее современниками, личность и деятельность Алиеноры Аквитанской приобретают особое значение. Через нее осуществляется слияние Севера с Югом, она соединяет поэзию трубадуров и магию старых кельтских сказаний; можно добавить, что, не будь Алиеноры, и западная цивилизация — цивилизация рыцарской любви и рыцарских романов, цивилизация Тристана и Изольды — не стала бы тем, чем она была. Но эта просвещенная женщина при случае проявляла себя и мудрым политиком: ее, дважды королеву и мать двух королей, вполне можно было бы назвать «бабушкой Европы» — как называли другую английскую королеву, — поскольку ее внуки и правнуки господствовали не только при французском и английском дворах, но и расселились по Сицилии, Кастилии, даже Германской империи.

Удивительно чуткая к времени, в котором она жила, всегда готовая лицом к лицу встретить любую трагическую ситуацию, Алиенора успела в своей бурной жизни проявить себя способной организовать защиту крепости, править не только герцогством, но и королевством, предвидеть, какое значение приобретет в XIII в. городская буржуазия.

Современные ей тексты, при всей их скупости, позволяют нам разглядеть за своими строками страстную женщину, заботливую мать, энергичную королеву — она умела быть и первой, и второй, и третьей. Словом, по выражению одного из авторов той эпохи, она была «несравненной женщиной».

Превосходная книга, которую посвятила Алиеноре Аквитанской Режин Перну, была отмечена Гран-при города Бордо в области литературы и премией Historia.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алиенору Аквитанскую сравнивали то с Мессалиной, то с Мелюзиной. Незачем останавливаться на личности Мессалины, но ассоциация с Мелюзиной ничем не лучше: речь идет о волшебнице из пуатевинских легенд, которую муж, встревоженный ее ночными отлучками, однажды выследил, и был неприятно поражен, когда она у него на глазах превратилась в змею.

Итак, репутация у нее скверная, и, признаемся, в предыдущей нашей работе мы без всяких дополнительных проверок присоединились к общему мнению. Но, когда мы познакомились с нашей героиней чуть поближе, с нами случилось то, что вообще часто случается (и особенно часто, если речь идет о плохо исследованных средневековых материалах!), когда от знакомства наспех и из вторых рук мы переходим к изучению документов: Алиенора, представшая перед нами, сильно отличалась от той, какой она нам представлялась. Незаурядная женщина, возвысившаяся над своим веком, — и каким веком: веком расцвета романского искусства и зарождения готики, веком, видевшим славу рыцарства и освобождение городов, великим веком куртуазной лирики, трубадуров Юга и Севера, появления романа как жанра, Тристана и Изольды, творений Кретьена де Труа.

И в свете современных ей источников Алиенора представляется вполне достойной этой декорации. Более того: эта декорация сама частично оказывается делом ее рук, поскольку Алиенора сыграла выдающуюся роль как в политике, так и в литературе, и ее влияние распространялось даже на экономику и социальную жизнь. И то, что потомки вспоминают об этой женщине, — которая дважды была королевой,

стала матерью двух королей, бросила вызов императору, угрожала папе и с удивительной прозорливостью правила своим двойным королевством, — лишь в связи с одним-единственным приключением ее молодости, несомненно, дает повод к размышлениям.

Судить об этом предстоит читателю. Мы не захотели отягощать это сочинение ссылками и примечаниями, но в конце тома мы перечислим источники, которыми мы пользовались. А пока уточним, что в диалогах и прямой речи нет ни одной фразы, ни одного слова, выдуманных нами: все это взято из текстов той эпохи. Из этого следует, что данная работа ни в коей мере не претендует на то, чтобы считаться романом и, шаг за шагом прослеживая достойную романа жизнь, остается всего-навсего историческим исследованием.

I

ИЗ ДВОРЦА ОМБРИЕР...

Сударь, проявив немного терпения,
Вы оказали бы великое благодеяние...
Великое благо дала бы вам Франция,
Если бы вы захотели подождать¹.

Серкамон

Алиенора Аквитанская вошла в историю под звон колоколов собора Святого Андрея в Бордо. В тот день, 25 июля 1137 г., ее торжественно обвенчали с наследником французского престола. Шум праздничной толпы, собравшейся у стен собора, проникал в самое его сердце, где на устланном бархатом помосте возвышались два трона. Алиенора в пунцовом платье, гордо выпрямившись, восседала на одном из них; голову девушки украшал золотой венец, только что возложенный на нее новоиспеченным супругом — будущим Людовиком VII. Этот несколько хилый молодой человек выглядел слишком быстро вытянувшимся подростком. Ему было шестнадцать лет, да и на двоих новобрачные вряд ли насчитали бы немногим за тридцать, поскольку Алиеноре было никак не больше пятнадцати: если верить хроникам, она родилась в 1120 или 1122 г. Но все ее поведение говорило о том, что молодая принцесса вполне уверена в себе, уверена в своей внешней красоте, могущество которой она уже успела осознать, и нисколько не смущается под устремленными на нее взглядами баронов, прелатов и простолюдинов. Она сумеет непринужденно ответить на восторженные крики, которыми их встре-

¹ Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, стихи даются в подстрочном переводе. — *Прим. пер.*

тит толпа, когда обряд закончится и она появится в раме портала, а затем вместе с Людовиком Французским встанет во главе кортежа, который направится к дворцу Омбриер. И на всем пути вдоль улиц города, убранных драпировками и гирляндами и усыпанных листьями, свернувшимися от душливой жары, будут раздаваться исступленные крики ее подданных, восторженно приветствующих свою герцогиню, такую юную, милую и прелестную; что же касается ее супруга, его всю дорогу, как потом всю его жизнь, будут сопровождать слова, произносимые, правда, сочувственным тоном: «Он больше походит на монаха».

* * *

Брак наследника французского престола с наследницей престола Аквитании стал великим историческим событием. Ровно за сто пятьдесят лет до этого, в 1137 г. Гуго Капет, «герцог франков», завладел тронем, заставив баронов, собравшихся в Санлисе после смерти последнего из потомков Карла Великого, признать себя королем. Династия, которой предстояло будущее, на какое она и рассчитывать не смела, делала первые трудные шаги: в течение целого столетия и даже больше преемники Гуго Капета вслед за ним ни о чем другом и не помышляли, кроме того, чтобы уцелеть самим и передавать корону от отца к сыну. Не обладая имперским величием Каролингов, они для Запада были энергичными выскочками, которые, сделав ставку на длительность — великую силу времени, — сумели удержаться во главе королевства. Сумели, потому что они, сеньоры среди прочих сеньоров, смогли извлечь выгоду из феодальной клятвы, той личной связи между людьми, которая соединяла на всей территории великих и малых баронов, опутывала их сетью взаимных прав и обязательств; обширной сетью, сплетенной кольцо к кольцу и нам представляющейся очень запутанной, поскольку результат этих хитросплетений очень отличался от знакомого нам централизованного государства. Гуго Капет и его преемники, один за другим

принуждая еще при своей жизни короновать своих сыновей и добиваясь от вассалов клятвы верности, создали династию, известную как династия Капетингов: они заставили забыть о том, что первый из них, Гуго Капет, был избран сеньорами, равными ему.

Но что представляла собой в действительности власть Капетингов во французском королевстве, которое к тому времени уже постепенно вырисовывалось в своих нынешних пределах?¹ Моральную власть, данную коронованием, право третейского суда в междоусобных распрях вассалов, право наводить порядок там, где совершались злоупотребления силой и грабежи, — но все это не имело ничего общего с верховной властью такого монарха, каким был Людовик XIV, или императора Священной Римской империи. Владения многих сеньоров, признававших себя вассалами короля, — например, герцогов Нормандских или графов Шампани, — были обширнее и богаче королевских. Король правил лишь на принадлежавших лично ему землях, в своих ленных владениях, которыми он непосредственно управлял и с которых получал доходы. Но ко времени заключения аквитанского брака эти владения сжались до узкой полоски земли, которая тянулась от берегов Уазы, от Суассона до Буржа, т. е. приблизительно территории Иль-де-Франса, Орлеана и части Берри. Когда правящему королю Людовику VI удалось завладеть расположенной между Парижем и Орлеаном крепостью Монлери, он так обрадовался, словно «у него из глаза вынули соринку, или сломали двери темницы, в которой он был заточен»². Это дает нам возможность оценить, насколько далеко простирались его честолюбивые замыслы.

Но что означал титул герцогини Аквитанской, который носила Алиенора, по сравнению с этими жалкими владе-

¹ Если исключить часть восточных земель — занимающих приблизительно левый берег Роны, правый берег Мааса и Шельды, — подчиненных Империи.

² По словам его биографа и наперсника Сугерия.

ниями? Герцоги Аквитанские были также графами Пуатье и герцогами Гасконскими. Их власть распространялась на девятнадцать наших сегодняшних департаментов: от Эндра до Нижних Пиренеев. Бароны, и сами достаточно могущественные, были их вассалами: виконты Туарские, сеньоры Лузиньяна и Шательро были достаточно важными особами в Пуату; один из Лузиньянов станет Иерусалимским королем; более мелкие бароны, де Молеон и де Партене, де Шатору и д'Иссуден из Берри, де Тюренн и де Вентадорн из Лимузена, гасконские сеньоры со звучными именами д'Астарак, д'Арманьяк, де Пардиак или де Фезенсак и множество других до самых Пиренеев, не говоря уж о графах Марша, Оверни, Лиможа, Ангулема, или Беанрском виконте, — они владели обширными и богатыми землями, — образовали вокруг герцога Аквитанского настоящий двор, были обязаны ему «помощью и советом». Можно сказать, что через брак с Алиенорой французский король получил возможность непосредственно влиять на те области, где его власть оставалась чисто теоретической.

Рост политического могущества сопровождался, как мы сказали бы в наше время, заметным экономическим прогрессом. Сегодня, в эпоху бюджетов, выплачиваемой деньгами заработной платы, конкретных профессий, нам трудно представить себе, какими материальными возможностями располагал французский король. И мы с удивлением узнаем о том, что, хотя у короля было тридцать ферм в Марли, амбары в Пуасси и мельницы в Шеризи вблизи Дре, хотя он взимал пошлину на Аржантейском рынке и с рыбаков Луары из окрестностей Орлеана, жители Санлиса сочли, что полностью рассчитались с ним, поставив для его кухни во время его пребывания в городе кастрюли, плошки, соль и чеснок. Таким образом, его материальные возможности складывались из множества прав, которые нередко, на наш взгляд, представляются ничтожными. И поскольку в то время, когда большая часть доходов поступала в натуральном виде, а земные плоды были основным источником богатств-

ва, королевские ресурсы увеличивались пропорционально размерам владений его супруги.

Но аквитанские владения были не только более обширными, чем Иль-де-Франс, они были и богаче. «Цветущая Аквитания, — писал о ней монах той эпохи, Эриже Лоббский, — ...сладкая, словно нектар, благодаря своим виноградникам, покрытая лесами, богатая плодами, изобилующая пастбищами». У Аквитании был широкий выход к океану, и порты ее благоденствовали. Бордо с древних времен и Ла-Рошель с недавних пор (поскольку город был средневековой постройкой) экспортировали вино и соль; Байонна стала центром китобойного промысла. Благодаря всем этим богатствам аквитанские герцоги — некоторые из них именовали себя «герцогами всей аквитанской монархии», — издавна прославились тем, что вели более роскошный образ жизни, чем французские короли.

* * *

И потому гости, собравшиеся на богатый пир, устроенный во дворце Омбриер после венчания в соборе Святого Андрея в Бордо, были проникнуты сознанием важности события; а приглашенных было около тысячи, не считая простого народа, теснившегося на задних дворах и в окрестностях замка: каждый мог рассчитывать на свою долю угощения, так как обычай требовал на свадьбе принца выставлять бочки с вином и жарить огромные туши для всех желающих.

Дворец Омбриер, чье название этим знойным летом утешительно напоминало о прохладе¹, занимал юго-восточный угол большого четырехугольника, образованного укреплениями древнего римского города, омываемого водами Пег и Девезы; еще и сейчас можно разглядеть следы его очертаний: Бордо в XII в. располагался в прямоугольнике, ограниченном площадью Биржи, улицей Старой Башни,

¹ Ombre — тень. — *Прим. пер.*

площадью Рогана и Дворцовой площадью, получившей свое название как раз от дворца Омбриер. Это была мощная крепость с возвышавшимся над берегами Гаронны донжонном «Арбалестейр»: большой прямоугольной башней (18 на 14 метров) с толстыми стенами с контрфорсами. Нынешняя улица Пале-де-л'Омбриер проходит как раз посередине того места, где был двор замка, еще существовавший в XVIII в., так же, как и главный зал; тот и другой были окружены куртиной длиной примерно в сотню метров, укрепленной двумя башнями: полукруглой и шестиугольной.

Теперь представьте себе этот зал и этот двор, заполненные гулом озабоченно снующей между столами толпы пажей и стольников, разрезающих мясо и наливающих вино гостям. Ради того, чтобы присутствовать на этой свадьбе, собрался весь цвет аквитанской знати — не только такие крупные вассалы, как Жоффруа де Ранкон, правитель Тайбура, но и те мелкие сеньоры, жившие в сельской местности, чьи имена мелькают в грамотах, какие-нибудь Гильом д'Арсак, Арно де Бланфор, а то и мелкие владельцы из отдаленных крепостей Лабура или Ломани. Кроме того, король Франции пожелал, чтобы у его сына была внушительная свита: около пятисот рыцарей, и не из последних, поскольку среди них были такие могущественные феодалы, как Тибо, граф Шампани и Блуа; Гильом де Невер, граф Оксерра и Тоннерра; Ротру, граф Перша, и королевский сенешаль Рауль де Вермандуа. Вместе с ними явились главные прелаты Иль-де-Франса, такие, как Жоффруа де Лев, епископ Шартрский, которого, по словам летописца, вышло встречать в Бордо «все аквитанское духовенство». И то, что возглавлял это посольство, под палящими лучами июльского солнца сопровождавшее по всем путям и долам юного наследника французской короны, сам аббат Сугерий, доверенное лицо короля, достаточно ясно говорит о том, какое значение приобретал в глазах Людовика VI брак его сына с аквитанской наследницей.

Брак, собственно говоря, несколько поспешный, в отличие от большинства союзов того времени, нередко заклю-

чавшихся тогда, когда главные заинтересованные лица еще лежали в колыбели. В самом деле, всего три месяца прошло с тех пор, как гонцы, явившиеся в королевский замок в Бетизи, где находилась тогда резиденция французского короля, известили его о смерти их сюзерена, Гильома, герцога Аквитанского. Смерть его была, надо сказать, неожиданной: Гильому было всего тридцать восемь лет, и незадолго до того, покидая свою провинцию, чтобы отправиться паломником в Сантьяго-де-Компостела, он выглядел вполне здоровым и полным сил. Но ему не удалось добраться до святилища, где он намеревался встретить Пасху: 9 апреля, в Страстную пятницу, болезнь, о которой летописи никаких подробностей не сообщают, свалила этого исполина, обладавшего сказочной физической силой и невероятным аппетитом: о нем рассказывали, будто он за один присест мог съесть столько же, сколько восемь обычных людей.

Перед смертью Гильом больше всего беспокоился о своей старшей дочери, Алиеноре. Семь лет назад он потерял единственного сына, Эгре, и теперь Алиеноре предстояло унаследовать огромные и обременительные аквитанские владения, с их опасными соседями, такими, как графы Анжуйские, только и дожидавшиеся удобного случая, чтобы расширить с выгодой для себя общую границу, и беспокойными вассалами, в том числе — мелкими гасконскими сеньорами, исстари непокорными и стремящимися к независимости.

Исполняя последнюю волю герцога, некоторые из сопровождавших его паломников повернули назад и направились в Иль-де-Франс. Пока что смерть Гильома должна была для всех оставаться тайной: надо было предупредить любые попытки мятежа или освобождения. Явившись с печальным известием к королю Франции, они подчинялись феодальным обычаям: ведь сюзерен был обязан оказывать покровительство женщине, находившейся в вассальной зависимости от него, а в случае, если речь шла о девице или вдове, выдать ее замуж; но, кроме того, они должны были